

К ВОПРОСУ ИЗУЧЕНИЯ ЭТНИЧЕСКИХ МАРКЕРОВ КАЛМЫКОВ: РОДОВЫЕ ТАМГИ

To the Issue of Studying Ethnic Markers of Kalmyks: Clan Tamghas

Т. И. Шараева (Т. Sharaeva)¹

¹кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела этнологии Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (Ph. D. of History, Researcher of the Department of Ethnology at the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS). E-mail: sharaevati@yandex.ru.

В статье рассматриваются калмыцкие тамги в контексте изучения этнических маркеров и родовой структуры у калмыков, а также трансформационных процессов в формах хозяйствования. Автор приходит к выводу, что в калмыцкой культуре тамги продолжают выполнять объединительную функцию внутри рода для всех его представителей и определительную, различительную функцию для представителей других родов. На основе сравнительного анализа калмыцких тамг с этническими маркерами — знаками родовой собственности тюрко-монгольских народов — можно проследить их этногенетические связи в прошлом.

Ключевые слова: тамга, род, калмыки, этнический маркер, этническая история.

The article considers Kalmyk tamghas in terms of studying ethnic markers and clan structure of Kalmyks as well as transformation processes in management forms. The topicality of the research is relevant in connection with the processes of ethnocultural revival and the fact that Kalmyk tamghas and the issue of studying ethnic markers have little been studied.

The purpose of this article is to examine the Kalmyk tamghas as a clan marker and a sign of ethnogenic relations in the past. In this connection, we have studied forms of tamghas and their marks, their application methods, types and values, and carried out their comparative analysis with those of the Turkic-Mongolian peoples. The analysis of the Kalmyk tamghas allows to conclude that they continue to perform a unifying function for all of the clan representatives and a definitive, distinctive function for the representatives of other clan. Though socio-historical processes in the last hundred years have contributed to a significant loss of knowledge about tamghas, however, interest in them has increased due to the revival of ethnic culture in modern Kalmyk society. There is also a trend to change the status of tamghas as a sign of ownership (brand) to the multifunctional symbol associated with heraldry, and the sacred sphere (symbol containing amulet functions). Besides, there is a decline in the status of tamghas: those which were common for the whole clan became common only for one family which is connected primarily with the change process within the forms of management. On the basis of comparative analysis of tamghas it is possible to trace the ethnogenetic ties of the Turkic-Mongolian peoples in the past. Materials on Kalmyk tamghas can be used in compiling a catalogue of Kalmyk clans.

Keywords: tamgha, clan, Kalmyks, ethnic marker, ethnic history.

Описывая песенный фольклор калмыков, П. И. Небольсин отмечал: «...песни у калмыков вертятся около одного предмета — обширной степи, статного коня и милого юноши. Иногда в песнях вовсе не говорится о человеке прямо, но воспевается один конь, с прибавкою, что он был с таким тавром; это уже служит намеком и на улус, и на род, а иногда и на самое лицо героя песни» [Небольсин 1852: 131]. Исследователь точно отметил значение тавра как особого символа в жизни калмыка-кочевни-

ка. Тавро — знак собственности, которым метили животных кочевые народы. У тюрко-монгольских народов значения «тавро», «клеймо», «печать» объединены термином «тамга». В период существования Золотой Орды термин «тамга» получил еще одно значение — «документ с ханской печатью». Данный термин был широко распространен в странах Средней Азии, Закавказья, Ближнего и Среднего Востока, «тамгой» называли также денежный налог, взимавшийся монголами с торговли, ремесла и различных

промыслов. У тюрко-монгольских народов тамга — полифункциональный символ: это и знак собственности (тавро), и геральдический символ (печать рода), и родовой знак.

Научное изучение тамг и тамгообразных знаков имеет свою историю и научно-практическое значение, однако в целом необходимо отметить, что они все еще остаются малоисследованными. Различные аспекты изучения тамг нашли свое отражение в научных трудах многих исследователей, например, Л. Р. Кызласова [1960], Д. Н. Соколова [1904], С. А. Яценко [2001], С. И. Вайнштейна [1972], Л. П. Потапова [1969], Б. И. Вайнберг, Э. А. Новгородовой [1976], Г. Пурэвдоржа [2008], Н. В. Екеева [2005], С. Ч. Донгак [2010], и других.

Рассматривая калмыцкие тамги, Г. О. Авляев подчеркивал, что «типы калмыцких тамг, их наименования и семантический смысл очень разнообразны и заслуживают специального научного изучения» [Авляев 2002: 63]. Это связано в первую очередь со сложной родовой структурой и этнической историей калмыков.

Сведения о калмыцких тамгах фрагментарны и разрозненны. Некоторые сведения о тамгах калмыков в XIX в. изложены К. К. Костенковым, возглавлявшим Кумо-Манычскую экспедицию [Калмыцкая степь 1868], при описании этнического состава улуса и его хозяйства. П. И. Небольсин отмечал, что «...тамги имеют у калмыков значение, близко подходящее к значению герба у владельцев, у аймачных зайсангов, также у хурулов, или молитвенных храмов; они служат калмыкам как вместо печатей, так и для тавра скота» [Небольсин 1852: 13]. В его работе дано описание форм и наименований некоторых тамг родов хошутов, а также керитов, эркетеней, урянхайцев, теленгитов, цаатанов и хойтов, которые в силу различных исторических причин находились в составе Хошеутовского улуса. В Приложении к главе IV материалов Кумо-Манычской экспедиции приведены как родовые, так и частные тамги. Интересно отметить, что они обозначены в первую очередь как тавро (термин *тамга* дан в скобках), к тому же среди частных тавр наравне с таврами нойонов, имеющих древнюю символику, указаны тавры в виде аббревиатур «Б.Ц» — Багильда Цакунова (Яндыковский улус), «Ч.З.» — Чекана Зундуева и «Ч.Н.» — Ут-Насуна Ширипова (Эркетеневский улус) [Калмыцкая степь 1868: 173], что, возмож-

но, связано с изменениями в социальной и хозяйственных сферах у калмыков в конце XIX в.

В работах Г. О. Авляева и А. Г. Митирова тематика тамг рассмотрена в контексте изучения этнической истории и родовой структуры калмыков. Г. О. Авляев предпринял попытку определить тамгу каждого рода в составе субэтносов. Так, например, исследователь указывал, что тамга рода *тохан-кесик* — «джунгру», *замутов* — «голта очир», а у большинства родов в Эркетеневском улусе тамга называется «джанхан» или «джанховыт»; тамга рода *бах чонос* — «балта-тамг», шарнут-чоносов — «кюрде», бүдүрмс — «сам» и т. д. [Авляев 2002: 102, 132; 164; 170]. А. Г. Митиров в своей работе представил изображения наиболее общих тамг калмыков, «так как многие тамги разных родов и улусов как в изображении их, так и в названиях повторяются» [Митиров 1998: 376]. В данном источнике заметно выделяется многообразие знаков собственности князей Дондуковых в количестве 7 тамг.

Наиболее полное собрание тамг калмыцких родов (их начертаний) содержится в работе Д. Б. Гедеевой [2003]. Часть сведений о них была собрана автором у информантов, часть материалов была собрана студентами факультета калмыцкой филологии и культуры Калмыцкого государственного университета (ныне — Институт калмыцкой филологии и востоковедения КалмГУ) в этнографических и диалектологических экспедициях по районам республики 1971–1990 гг. Исследователь не исключает, что, возможно, допущены серьезные ошибки, т. к. «некоторые информанты, помня название родовой тамги, не знали ее рисунка, поэтому информация в статье дается не полной» [Гедеева 2003: 254]. Тем не менее, тамга у калмыков была и остается видимым знаком собственности, маркером отдельно взятой семьи, рода, этнической группы.

В традиционной форме калмыцкие тамги, отражавшие родовую структуру калмыков, использовались вплоть до начала XX в. Тамгой в качестве тавра чаще всего метили лошадей на лопатке или крупе, крупный рогатый скот — на рогах. Для этого использовали металлическую форму (с длинной ручкой), которую раскаляли и прикладывали к телу животного, выжигая тавро. Нанесенное таким образом тавро облегчало поиск скота в случае его потери или кражи.

Крупный рогатый скот и овец метили также надрезами *им* на ушах животных, практика которых характерна для скотоводческих народов. Представители одного рода, но разных семей, могли использовать различные варианты тамги, например, меняя угол рисунка или не обозначая какой-то элемент. С переходом на оседлость, затем со вступлением в советскую форму хозяйствования и образования совхозов и колхозов значение тамги как знака собственности стало уменьшаться. Длительное пребывание калмыков в восточных районах страны в результате насильственного переселения надолго прервало традицию нанесения родовых тамг на животных. После возвращения в родные степи частный скот практически не метили тамгами, но знания о них сохранялись представителями старшего поколения. Лошадей стали метить, изображая на крупе или на боку какой-нибудь символ, цифры, инициалы хозяина краской для внешних работ; на шею или рога крупного рогатого скота стали вешать какие-нибудь предметы, например, колокольчик, деревянный обломок на веревке или определенного цвета узкий и длинный лоскут ткани. На боках овец краской наносили простой символ, например, «птичка», «круг», цифры или инициалы хозяина, например, «НБ» — Нимя Бачаев. Совхозный скот стали метить цифрами, бирками в ушах или на рогах.

При исследовании тамг у калмыков выделяются две тематические линии: тамга как маркер определенного рода в контексте изучения родовой структуры и тамга как знак этногенетических связей в прошлом. Тамга как родовой маркер калмыков, наряду с ураном (родовым кличем), родовым божеством, родовой территорией, сакральными цветовыми маркерами *өлгү* и легендой рода составляет своеобразный комплекс родовых маркеров, все элементы которого связаны между собой и базируются на родовой структуре, социальной организации и традиционном мировоззрении. Например, *тамга рода «орхахн» представляет собой пять соединенных колец, символизируя родство пяти братьев — сыновей родоначальника по имени Орга. В свою очередь, имена братьев связывают с названиями малых патронимических групп в составе рода.* Родовые маркеры, конечно же, подвержены некоторой трансформации в силу различных исторических преобразований, однако, видоизменяясь, все маркеры комплекса

продолжают исполнять роль идентификатора — как внутри рода для всех его представителей, выполняя объединительную функцию, так и для представителей других родов — определительную, различительную функцию. А. Г. Авляев отмечал совпадение начертания и названия тамг родов из разных субэтносов калмыков, но объяснения этому не дал. Однако высказал предположение, что совпадение тамг у разных родов в пределах одного субэтноса, при этом дополненное совпадением еще нескольких маркеров, например, ураном и наименованием родового божества, может указывать на общее происхождение и родство представителей данных родов. На сходство форм и значений тамг разных родов указывал и А. Г. Митиров. Анализ начертаний тамг в работе Д. Б. Гедеевой также указывает на значительное количество совпадений в их названии и формах.

Анализ изображений калмыцких тамг, опубликованных разными авторами, позволяет сделать следующие выводы:

I. Фиксируется наличие сходства в названии и формах тамг родов как в пределах одного субэтноса, так и в других субэтнических группах. Например, тамги «жунһру» (свастика) и «маля» (плеть) есть как в дербетских, так и в торгутских родах.

II. Имеется большое количество вариантов тамг. Например, тамга «төөлг» (кольцо): «келтэ төөлг» (кольцо с язычком внутри круга), «хойр келтэ төөлг» (кольцо с двумя язычками внутри круга), «һурвн төөлг» (три кольца), «тавн төөлг» (пять колец). В тамгах кольца могут располагаться по горизонтали, по вертикали, составлять треугольник, пятиугольник, иметь форму цветка. Есть вариант тамги в виде круга/кольца под названием «хээсн» (котел).

Возможно, эти вариации связаны в первую очередь с типологией хозяйства и культурой, в них фиксируется древний и наследственный характер тамг.

По типу изображения выделяются:

1. Тамга «күн» (человек), которая относится к наиболее древним тамгам и имеет различные начертания: стоящий человек, идущий человек, с поднятыми обеими руками, поднятой одной рукой. Различные варианты имеет также древняя по символике тамга «балт» (секира).

2. Тамги, связанные с хозяйственной деятельностью и бытом калмыков: «маля» (плеть), «хээч» (ножницы), «алх» (молоток),

«хош алх» (сдвоенный молоток), «көрэ» (пила — но, возможно, это элемент вышивки в виде зигзага. — *Т. Ш.*), «ууд» (удила), «турун» (копыто), «хазар» (уздечка), «тулһ» (таган), «тах» (подкова), «цаһрг» (крестовина дымника жилища), «хараç» (дымник жилища), «сам» (гребень), «кет» (огниво), «зег» (элемент орнамента *зег*).

3. Выделяются: тамга «шовун» рода *шубучнр* из Багацохуровского улуса, изображающая птицу и указывающая, что представители данного рода имели непосредственное отношение к уходу за птицами и охоте (*шубучнр*=шовучнр — те, кто занимается птицами, птицеловы); тамга «шоңхрин көл» рода *укиахн* в виде следа птичьей лапки (калм. шоңхр — кречет); тамга «гулз», обозначающая рака, у родов *хабучнр*, *будбул*, *көтчнр*, *эрекчуд*; тамга «килв» («килба») (приманка, наживка) ламы Александровского улуса; в работе А. Г. Митирова приводится тамга рода *келькт* в виде треугольника, поделенного внутри на три сегмента и имеющего на вершине два завитка (к сожалению, не приводится ни название, ни описание символики данной тамги. — *Т. Ш.*); тамга в виде рогов сайгака «оон» приводится в работе Д. Б. Гедеевой, но без данных тамги о принадлежности к конкретному роду.

4. Тамги, связанные с буддийской символикой, — «очир» (ваджра), «жунһру» (свастика), «жиндмн» (чиндамани), «бу» (буддийский амулет), «күрд» (колесо учения) — имеют большое количество вариантов начертаний, с изменением угла наклона, отсутствием каких-то элементов или добавлением дополнительных. Так, тамга «тунмл» обозначает ритуальный предмет, описание которого есть в работе П. Небольсина: «круг означает круглый низенький сосуд, употребляемый при домашнем и общественном богослужении. В этот сосуд насыпается зола, и в ней выдавливается изображение, именуемое *тунмылом* ... в ямки, образовавшиеся от выдавливания этой формы, насыпается благовонная трава ... *полутунмыл* называется «дегре» ... и служит тамгой у хурулов и у родов, чтобы не смешать одного с другим, тамге *дегре* дается разное положение» [Небольсин 1852: 13].

Анализ типов тамг позволяет высказать мнение, что разнообразие тамгообразных знаков и тамг указывает на их древнее про-

исхождение, а одинаковое начертание в большинстве, лишь с небольшими дополнительными элементами, тамг, связанных с буддийской символикой, указывает на более позднее их происхождение.

Начиная с конца 1990-х гг. на волне этнокультурного «возрождения» и возросшего интереса к родовым маркерам проблема изучения тамг вновь актуализировалась. Интерес к родовым маркерам, в том числе к тамгам, в Калмыкии усилился после издания Указов «[О паспортизации калмыцких родов]» и «О паспортизации русских родов» в 2001 г., однако к этому времени знания о своих тамгах у многих родов были утрачены. В настоящее время отмечается тенденция возникновения тамг-«новоделов», когда берут за основу общие сведения о родовой тамге у нескольких представителей старшего поколения и на их основе пытаются «восстановить» свою тамгу, или же, имея устное описание родовой тамги, полученное от старшего поколения, изготавливают ее в виде печати и хранят в архиве своей семьи. Если тамга рода известна, то она может выполнять функцию геральдического символа, как, например, у представителей рода *ики-чонос*: после паспортизации рода тамга, оформленная надлежащим образом, стала гербом рода. В данном случае наблюдается смена значения родовой тамги: неиспользование ее в повседневной жизни в качестве тавра, что дополнительно указывает на изменение форм хозяйствования, привело к форме ее сохранения как геральдического символа. В этом контексте необходимо указать на то, что тамги как символ рода наделяются в настоящее время и сакральной символикой с обережной функцией. Ее изображение, нанесенное, например, на бумагу или металлическую поверхность, используют как символику рода на общеродовых праздниках, так называемых родовых молениях, проводимых ежегодно на родовом месте. После изображения тамги чаще всего хранят на алтаре как сакральный предмет, способствующий благополучию рода вообще и отдельно взятой семьи, в частности. Здесь также необходимо отметить происходящие в настоящее время процессы трансформации статуса тамги: переход из родовой в семейную тамгу. Это указывает на то, что, несмотря на важность родовой принадлежности и сохранение

знаний об этом, близкородственные отношения поддерживаются больше во втором и третьем поколении, так как в настоящее время более дальние родственники встречаются довольно редко, например, только на свадьбе, проводах, поминках и т. д., что нашло отражение в статусе тамг. Главное значение в данном случае имеет понятие «тамга предков» — предков, которые призваны оберегать своих потомков. Наделение тамг в настоящее время обережными функциями прослеживается и в том, что современные предприниматели изготавливают штамп на документы с изображением родовой тамги: «чтобы дела шли хорошо».

Тамги как знаки собственности являются одним из важных исторических источников, в том числе и в решении различных вопросов этногенеза и этнической истории тюрко-монгольских народов. Исследователи отмечают, что «при отсутствии письменных свидетельств или крайней скудности их тамги порой могут указать пути расселения или передвижения отдельных этнических групп» [Вайнберг, Новгородова 1976: 66], полагая, что тамга «в условиях родоплеменной организации кочевников являлась самым значительным (в функциональном отношении), популярным компонентом для внешней информации» [Айыжы, Тюлюш 2012: 26].

Так, Э. П. Бакаева привлекла материал по тамгам как маркерам этнической идентичности при анализе общих черт и родového состава среди торгутов Монголии и Калмыкии, придя к выводу, что «практически все знаки собственности торгутов Монголии нашли соответствие среди тамг калмыцких родов» [Бакаева 2009: 84]. Бытование сходных знаков собственности родов у тюрко-монгольских народов может указывать на тесные этногенетические связи в прошлом.

Н. В. Екеев, сопоставив наименования и тамги монгольских ойратов, калмыков и алтайцев, сделал вывод том, что анализируемые материалы указывают на сходство и тождество их этнонимов и тамг. Так, например, у калмыков есть такие же тамги — «сам» (гребень), «нум» (лук со стрелой), «сэрээ» (вилка) — как и у алтайских урянхайцев; «дэгрээ» (знак S), «бу» (амулет-треугольник) у захчинов; «зөв дэгрээ» и «буруу дэгрээ» (правильный и обратный знак S), «сар» (месяц), «алх» (молот) у

дербетов; «маля» (кнут, палка), «тумгал» (дороим=триратна), «хараач» (дымник), «гахууль» (удочка), «тогрог» (круг, кольцо) у торгутов; «сараалж» (крест, крест с пикой) у мянгатов; «айа» (лук), «ай» (луна), «кас» (свастика), «сулук» (удила), «jүлкүр» (ключ), «эжик, эркин» (дверь, порог) у алтайцев [Екеев 2008: 92–101].

С. Ч. Донгак, рассматривая тамги тувинцев, выделила тюркские и монгольские пласты в наименованиях и формах тамг, а также буддийский пласт в виде отдельных тибетских букв или сакральных знаков. Рассмотрение материалов данного исследователя позволяет выявить параллели с калмыцкими тамгами. Это, например, «кас демдек» (свастика), «алага» (молоток), «сэрээ» (вилы), «шындамал» (чинтамани), «дорума» (калм. «бу» в форме треугольника), «эге демдек» (калм «тунмыл», вариант формы) [Донгак 2010: 151–157]. Более детальное рассмотрение и проведение сравнительного анализа тамг тюрко-монгольских народов может способствовать выявлению этногенетических связей в прошлом и разрешению вопросов этнической истории в настоящее время.

Тамги как знаки собственности, которыми метили лошадей, характерны для многих кочевых народов. Калмыцкие тамги многообразны по форме и названиям, являясь одним из значимых этнических маркеров, они связаны с родовой структурой, хозяйством и бытовой сферой. Социально-исторические процессы за последние сто лет способствовали значительной утрате знаний о тамгах, однако в настоящее время интерес к ним возрос в связи с происходящими в современном калмыцком обществе процессами «возрождения» этнической культуры: отмечается тенденция смены статуса тамг как знака собственности (тавро) на полифункциональный символ, связанный и с геральдикой, и с сакральным сферой (символ с обережными функциями). Необходимо также отметить снижение статуса тамги с общеродовой на семейную, что связано в первую очередь с изменениями форм хозяйствования. Детальное рассмотрение калмыцких тамг и проведение их сравнительного анализа с тамгами тюрко-монгольских народов может способствовать выявлению этногенетических связей в прошлом и разрешению вопросов этнической истории в настоящее время.

Литература

- Авляев Г. О. Происхождение калмыцкого народа. 2-е изд., перераб. и исправл. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2002. 325 с.
- Айыжы Е. В., Тюлюш А. Ч. К вопросу об изучении родовых тамг у тувинцев // Вестник ТувГУ. Вып. 1. Кызыл: ТувГУ, 2012. С. 26–31.
- Алтайцы (Материалы по этнической истории) / сост., предисл., пер., коммент. Н. В. Екеева. Горно-Алтайск: Тип. А. Орехова, 2005. 175 с.
- Бакаева Э. П. Торгуты Монголии: этнический состав и этнические маркеры // Проблемы этнической истории и культуры тюрко-монгольских народов: сб. науч. тр. Вып. 1. Элиста: КИГИ РАН, 2009. С. 69–85.
- Вайнберг Б. И., Новгородова Э. А. Заметки о знаках и тамгах Монголии // История и культура народов Средней Азии (древность и средние века). М.: Наука, 1976. С. 66–74, 176–179.
- Вайнштейн С. И. Историческая этнография тувинцев. Проблемы кочевого хозяйства. М.: Наука, 1972. 314 с.: ил.
- Гедеева Д. Б. О знаках собственности у калмыков // Монголоведение в новом тысячелетии (К 170-летию организации первой кафедры монгольского языка в России): Мат-лы Междунар. науч. конф. Элиста: КалмГУ, 2003. С. 254–259.
- Донгак С. Ч. Некоторые аспекты изучения тувинских тамг // Проблемы этнической истории и культуры тюрко-монгольских народов: сб. науч. тр. Элиста: КИГИ РАН, 2010. С. 151–157.
- Екеев Н. В. Ойраты и алтайцы: этнические и этнокультурные параллели // Проблемы этногенеза и этнической культуры тюрко-монгольских народов: сб. науч. тр. Вып. 2. Элиста: КалмГУ, 2008. С. 92–101.
- Калмыцкая степь Астраханской губернии по исследованиям Кумо-Манычской экспедиции. СПб.: Тип. В. Безобразова и комп., 1868. 173 с.: ил.
- Кызласов Л. Р. Новая датировка памятников енисейской письменности // Советская археология. 1960. № 3. С. 23–29.
- Митиров А. Г. Ойраты — калмыки: века и поколения. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1998. 384 с.: ил.
- Небольсин П. И. Очерки быта Хошеутовского улуса. СПб.: Тип. Карла Крайя, 1852. 190 с.
- Соколов Д. Н. О башкирских тамгах // Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Вып. 13. Оренбург, 1904. Цит по: Айыжы Е. В., Тюлюш А. Ч. К вопросу об изучении родовых тамг у тувинцев // Вестник ТувГУ. Вып. 1. Кызыл: ТувГУ, 2012. С. 26–31.
- Потанов Л. П. Этнический состав и происхождение алтайцев. Л.: Наука, 1969. 239 с.
- Пурэвдорж Г. Ойрад Монголчуудын малын им тамга. Улаанбаатар, 2008. 88 х.
- Указ «О паспортизации калмыцких родов» от 18 июня 2001 г. // Известия Калмыкии. 26 июня 2001 г. № 129. С. 2.
- Указ «О паспортизации русских родов» от 6 августа 2001 г. // Известия Калмыкии. 16 августа 2001 г. № 172. С. 2.
- Яценко С. А. Знаки-тамги ираноязычных народов древности и раннего средневековья. М.: Вост. лит., 2001. 190 с.
- Kyzlasov L. R. *Novaja datirovka pamjatnikov enisejskoj pis'mennosti. Sovetskaja arheologija* [New Dating of the sites of Yenisei script. Soviet archaeology]. 1960, no. 3, pp. 23-29. (In Russ.).
- Mitrov A. G. *Ojraty — kalmyki: veka i pokolenija* [Oirat — Kalmyks, centuries and generations]. Elista, Kalm. Book Publ., 1998. 384 p.: ill. (In Russ.).
- Nebol'sin P. I. *Oчерки byta Hosheutovskogo ulusa* [Essays of life of the Khosheutovsy ulus]. St. Petersburg, Tip. Karla Krajja Publ., 1852. 190 p. (In Russ.).
- Potapov L. P. *Etnicheskij sostav i proishozhdenie altajcev* [The ethnic composition and the origin of the Altaians]. Leningrad, Nauka Publ., 1969. 239 p. (In Russ.).
- Purevdorzh G. *Ojrad Mongolchuudyn malyn im tamga*. Ulaanbaatar, 2008. 88 p. (In Mongolian).
- Sokolov D. N. *O bashkirskih tamgah*. [On the Bashkir tamgas]. *Trudy Orenburgskoj uchenoj arhivnoj komissii*. Vyp. 13. [Proc. of the Orenburg Scientific Archival Commission. Vol. 13]. Orenburg, 1904. Cit po: Ajyzy E. V., Tjuljush A. Ch. *K voprosu ob izuchenii rodovyh tamg u tvincev*. [Cited from: To the issue on studying the clan tamghas of the Tuvans]. *Vestnik TuvGU*. Vyp. 1. — Bulletin of Tuvan State University. Vol.1. Kyzyl, TuvGU Publ., 2012, pp. 26–31. (In Russ.).
- The Altaians (*Materialy po etnicheskoj istorii*). *sost., predisl., per., komment. N.V. Ekeeva*. [(Materials on Ethnic history). Compiled, forew., trans., comm. by N.V. Ekeeva]. Gorno-Altajsk, A. Orehoa's Printing house, 2005. 175 p. (In Russ.).
- Ukaz «O pasportizacii kalmyckih rodov» ot 18 ijunja 2001 g. [The decree «On certification of Kalmyk clans» from 18 June 2001]. *Izvestija Kalmykii*. 26 ijunja 2001 g. [News of Kalmykia]. June 26, 2001, no. 129, p. 2. (In Russ.).
- Ukaz «O pasportizacii russkih rodov» ot 6 avgusta 2001 g. *Izvestija Kalmykii*. 16 avgusta 2001 g. № 172. S. 2. [The decree «On certification of Russian clans» from 6 August 2001. *Izvestija Kalmykii*. 16 avgusta 2001 g. № 172. S. 2. [news of Kalmykia]. August 16, 2001, no. 172, p. 2. (In Russ.).
- Vainberg B. I., Novgorodova E. A. *Zametki o znakah i tamgah Mongolii. Istorija i kul'tura narodov Srednej Azii (drevnost' i srednie veka)* [Notes on signes and tamghas in Mongolia. History and culture of the peoples of Central Asia (antiquity and the middle ages)]. Moscow, Nauka Publ., 1976, pp. 66–74, 176–179. (In Russ.).
- Vainshtein S. I. *Istoricheskaja etnografija tvincev. Problemy kočevogo khozjajstva* [Historical Ethnography of the Tuvans. Problems of nomadic economy]. Moscow, Nauka Publ., 1972. 314 p.: il. (In Russ.).

References

- Avljaev G. O. *Proishozhdenie kalmyckogo naroda. 2-e izd., pererab. i ispravl.* [The origin of the Kalmyk people]. *2-e izd., pererab. i ispravl.* [2nd revised edition]. Elista, Kalm. Book Publ., 2002. 325 p. (In Russ.).
- Ajyzy E. V., Tjuljush A. Ch. *K voprosu ob izuchenii rodovyh tamg u tvincev* [To the issue on studying tribal tamgas of the Tuvans]. *Vestnik TuvGU*. Vyp. 1. — Bulletin of Tuvan State University. Vol. 1]. Kyzyl, TuvGU Publ., 2012, pp. 26–31. (In Russ.).
- Bakaeva E.P. *Torguty Mongolii: etnicheskij sostav i etnicheskie markery. Problemy etnicheskoj istorii i kul'tury tjurko-mongol'skih narodov: sb. nauch. tr. Vyp. 1.* [Torghuts of Mongolia: ethnic composition and ethnic markers. Problems of ethnical history of the Turkic-Mongolian peoples: Collected scientific articles. Issue 1]. Elista, KIGI RAN Publ., 2009. pp. 69–85. (In Russ.).
- Dongak S. Ch. *Nekotorye aspekty izuchenija tuvinskih tamg. Problemy etnicheskoj istorii i kul'tury tjurko-mongol'skih narodov: sb. nauch. tr.* [Some aspects of studying of Tuvan tamgas. Problems of ethnic history and culture of the Turkic-Mongolian peoples. Collected articles]. Elista, KIGI RAN Publ., 2010, pp. 151–157. (In Russ.).
- Ekeev N.V. Oiraty i altaicy: etnicheskie i etnokul'turnye paralleli. Problemy etnogeneza i etnicheskoj kul'tury tjurko-mongol'skih narodov: sb. nauch. tr. Vyp. 2. [the Oirats and the Altaians: ethnic and ethno-cultural parallels. Problems of ethnogenesis and ethnic culture of the Turkic-Mongolian peoples. Collected articles. Vol. 2.]. Elista, KalmGU Publ., 2008, pp. 92–101. (In Russ.).
- Gedeeva D. B. *O znakah sobstvennosti u kalmykov. Mongolovedenie v novom tysjacheletii (K 170-letiju organizacii pervoj kafedry mongol'skogo jazyka v Rosii): Mat-ly Mezhdunar. nauch. konf.* [Proceed. of Intern. Scientific. Conf. —About property signs of Kalmyks. Mongolian studies in the new Millennium (To the 170th anniversary of the organization of the first Department of the Mongolian language in Russia)]. Elista, KalmGU, 2003, pp. 254–259. (In Russ.).
- Iatsenko S. A. *Znaki-tamgi iranojazychnyh narodov drevnosti i rannego srednevekov'ja* [Signs-tamghas of Iranian-speaking peoples of antiquity and the early middle ages. Moscow, Vost. lit. Publ., 2001. 190 p. (In Russ.).
- Kalmyckaja step' Astrahanskoj gubernii po issledovanijam Kumo-Manychskoj ekspedicii*. [Kalmyk steppe of Astrakhan province according to the research of the Kumo-Manych expedition]. St. Petersburg, Tip. V. Bezobrazova i komp. Publ., 1868. 173 p.: il. (In Russ.).